

Сьюзен Сонтаг

Заново рожденная

Дневники и записные книжки

1947–1963

Под редакцией Дэвида Риффа

Сьюзен Сонтаг

**Заново рожденная. Дневники
и записные книжки 1947–1963**

«Ад Маргинем Пресс»

2013

Сонтаг С.

Заново рожденная. Дневники и записные книжки 1947–1963 /
С. Сонтаг — «Ад Маргинем Пресс», 2013

ISBN 978-5-91103-142-8

«Заново рожденная» — первый том дневников и записных книжек главной нью-йоркской интеллектуалки последней четверти XX века. История становления личности (16-летняя Сонтаг «с улицы» напросилась на встречу с Томасом Манном и провела с ним в разговорах целый день в его особняке в Санта-Монике), открытие в себе необычной сексуальности (очень откровенные описания лесбо-вечеринок в 1940-х в Сан-Франциско) — все вместе производит впечатление какого-то странного и завораживающего откровения. «Перед нами дневник, в котором искусство воспринимается как вопрос жизни и смерти, где ирония считается пороком, а не добродетелью, а серьезность — величайшим из благ. Такие воззрения выработались у моей матери рано. И в ее жизни никогда не было недостатка в людях, которые пытались уговорить ее «расслабиться». Она вспоминала, как ее доброжелательный, традиционного склада отчим — герой войны — умолял ее поменьше читать, из страха, что она не найдет себе мужа. В том же духе, хотя и более высокомерно, высказался философ Стюарт Гемпшир, ее наставник в Оксфорде, который с досадой вскричал однажды во время коллоквиума: «Ох уж эти американцы! Вы такие серьезные... точно немцы». Он вовсе не собирался делать ей комплимент, но для моей матери эта фраза была как знак почета».

ISBN 978-5-91103-142-8

© Сонтаг С., 2013
© Ад Маргинем Пресс, 2013

Содержание

Предисловие	7
1947	11
1948	12
1949	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сьюзен Сонтаг
Заново рожденная Дневники
и записные книжки 1947-1963

Susan Sontag Reborn

Journals and Notebooks
1947–1963

Edited by David Rieff

Farrar, Straus and Giroux
New York

Под редакцией Дэвида Риффа Перевод с английского Марка Дадяна

Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Центра современной культуры «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

Издательство благодарит *The Wylie Agency* за помощь в приобретении прав на данное издание

Предисловие

Мне всегда казалось, что одна из глупейших вещей, которые мы, живущие, говорим об умерших, – это фраза: «Покойный хотел бы устроить дело именно так». В лучшем случае мы строим догадки; чаще всего нами руководит гордыня, сколько бы мы ни прикрывались благими намерениями. Знать невозможно. Так что вне зависимости от откликов на публикацию «Заново рожденной» – первого тома из ожидаемого трехтомного издания избранных дневников Сьюзен Сонтаг – следует тут же сказать, что эту книгу она бы вряд ли выпустила сама (если бы вообще согласилась на издание своих дневников). В действительности ответственность за решение о публикации и составе книги несу я один. Даже в отсутствие цензуры литературные опасности и нравственный риск подобного предприятия очевидны. *Caveat lector*¹.

Я был бы рад, если бы решение осталось не за мной. Однако моя мать умерла, не распорядившись как судьбой своих личных бумаг, так и неизданных или незавершенных рукописей. Возможно, данное обстоятельство не вяжется с характером Сьюзен Сонтаг, которая была так строга к своим трудам, рьяно проверяла переводы собственных сочинений даже на малознакомые языки и высказывала весьма компетентные мнения об издателях и журналах во всем мире. Однако, несмотря на летальность миелодиспластического синдрома (рака крови, убившего ее 28 декабря 2004 года), она продолжала верить, почти до последних недель жизни, что выживет. Так что, не утруждая себя мыслями о том, как другим следует обращаться с ее рукописями после ее ухода (так, возможно, поступил бы человек, смирившийся с близостью конца), она с энтузиазмом говорила о возвращении к работе, обо всем том, что ей предстоит сделать после выписки из больницы.

Что до меня, я лично считаю, что она имела полное право вести себя перед лицом смерти так, как ей представлялось необходимым. Во время последней схватки с болезнью она не была должна ничего – ни будущим читателям, ни тем более мне. Но у ее решения оказались и непреднамеренные последствия, причем наиболее важным из них стала перешедшая ко мне обязанность распорядиться изданием ее рукописей. Что касается эссе, опубликованных через два года после ее смерти в сборнике «А в это время», дела обстояли довольно просто. Несмотря на то что моя мать, несомненно, переработала бы эссе для второго издания, все они уже публиковались при ее жизни или были представлены в качестве лекций. Ее намерения были вполне ясны.

Совсем другое дело – настоящие дневники. Она вела их исключительно для себя с известным постоянством, с юности и до последних лет жизни, когда ее восторг перед компьютерами и электронной почтой, казалось, убавил ее желание писать в дневник. Сьюзен Сонтаг не давала согласия на публикацию и единой строки из своих тетрадей и, в отличие от ряда знаменитых авторов дневников, никогда не читала из них друзьям, хотя ее близкие и знали об их существовании, как знали они о ее привычке, заполнив одну тетрадь, помещать ее подле тетрадей-предшественников в большом стенном шкафу своей спальни, где хранились и другие сокровища вполне частной природы – например, семейные фотографии или сувениры из детства.

Ко времени ее последней болезни весной 2004 года таких тетрадей набралось около ста. Обнаруживались и новые, по мере того как ее последний секретарь Энн Джамп, ближайший друг Паоло Дилонардо и я разбирали ее вещи в первый год после смерти. У меня было лишь смутное представление о содержании дневников. Единственный разговор, который состоялся у меня с матерью по этому поводу, произошел вскоре после начала ее болезни, пока в ней еще не возродилась вера, что она сможет победить рак крови – как преодолевала раковые заболевания

¹ Да остережется читатель (лат.). – Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, прим. перев.

уже дважды в жизни. Разговор состоял из ее единственной фразы, произнесенной шепотом: «Ты знаешь, где дневники». Она не сказала ни слова о том, что мне с ними делать.

Не могу утверждать наверняка, но если бы мое решение никак не зависело от внешних обстоятельств, я, вероятно, долго бы выжидал, прежде чем издать дневники или вообще отказался от публикации. В иные минуты мне хотелось их сжечь. Но это чистой воды фантазии. В действительности физические дневники Сьюзен Сонтаг мне не принадлежат. Еще находясь в добром здравии, моя мать продала свои бумаги библиотеке Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе, и, согласно договоренности, их надлежало передать в библиотеку после ее смерти, наряду с другими бумагами и книгами. Что и было сделано. А коль скоро контракт, заключенный моей матерью, не содержал явного запрета на доступ к бумагам, то вскоре я понял, что решение остается за мной. Труд по приведению дневников в порядок и их изданию должен был взять на себя я – или это сделал бы кто-нибудь другой.

Впрочем, меня не покидают дурные предчувствия. Сказать, что ее дневники тождественны саморазоблачению, – значит не сказать ничего. Я включил в публикацию немало крайне жестких суждений моей матери. Она была скорой на «расправу». Но обнаружение в ней этого качества – а настоящие дневники полны разоблачений – с неизбежностью вовлекает читателя в обсуждение *ее самой*. Основная дилемма здесь в том, что моя мать, по крайней мере в последние десятилетия жизни, вовсе не была склонна к откровениям. В частности, она отказывалась, насколько это было возможно, от всякого обсуждения своей гомосексуальности (хотя не отрицала ее) или творческих достижений. Поэтому мое решение, говоря начистоту, определенно нарушает ее приватность.

В свою очередь, эти дневники тесно связаны в жизни Сонтаг с ее юношеским самопознанием природы своей сексуальности, с ранним опытом и переживаниями шестнадцатилетней студентки Университета Калифорнии в Беркли; в них говорится и о двух больших романах, которые случились у нее в молодости – во-первых, с женщиной, именуемой здесь Г. (с которой она познакомилась в первый год учебы в Беркли, а позже, в 1957 году, жила с ней в Париже), и, во-вторых, с драматургом Марией Ирэн Форнее, с которой моя мать познакомилась в том же году в Париже (Форнее и Г. ранее были любовницами). Ее отношения с Форнее развивались в Нью-Йорке с 1959 по 1963 год, после того как моя мать вернулась в Соединенные Штаты, развелась с отцом и переехала на Манхэттен.

После того как я принял решение о публикации ее дневников, передо мной более не вставал вопрос об исключении той или иной части материала – ввиду того ли, что моя мать будет выставлена в определенном свете, или из-за ее откровенности в вопросах секса, или по причине безжалостности к фигурирующим в дневниках людям, хотя я и опустил подлинные имена нескольких реальных лиц. Напротив, в принципе отбора материала я отчасти исходил из того, что в силу его шероховатости, «неприглаженности» читателю удастся увидеть Сьюзен Сонтаг молодой женщиной, вполне осмысленно и решительно творящей саму себя. И в этом тоже притягательная сила ее дневников. По этой же причине я озаглавил книгу – «Заново рожденная», воспользовавшись фразой, начертанной на первой странице одного из ранних дневников; мне кажется, слова эти точно характеризуют мою мать с самого ее детства.

Никого из американских писателей ее поколения нельзя отождествить с европейскими литературными вкусами в большей степени, чем мою мать. Невозможно вообразить ее говорящей, что ей предстоит «поведать сагу Таксона» или «сагу Шерман Оукс, шт. Калифорния», как сказал, относительно начала собственного творческого пути, Джон Апдайк, что для рассказов у него, дескать, был целый мир – Шиллингтон в Пенсильвании. Тем более невероятно предполагать, что моя мать могла бы обратиться за вдохновением к своему детству или социальным и этническим корням, как поступили многие из принадлежавших к ее поколению американских писателей еврейского происхождения. История ее жизни (тем более уместным представляется мне теперь наименование книги – «Заново рожденная») совсем о другом. В известном смысле

это история Люсьена Рюбампре – честолюбивого юноши из глубокой провинции, мечтающего завоевать столицу.

Разумеется, моя мать не была похожа на Рюбампре во всем остальном – в характере, темпераменте или целях. Она не стремилась снискать благосклонность света. Напротив, она верила в собственную звезду. С юности ее не покидала убежденность в своем даре и предзнаменении. Яростное, неутихающее желание расширить границы своей образованности – занятие, которому она уделяет столько места в дневниках и которое я соответствующим образом представил в книге, – было, в известном смысле, материализацией самой себя. Ей хотелось быть достойной писателей, художников и музыкантов, перед которыми она благоговела. В этом смысле к Сьюзен Сонтаг можно применить *mot d'ordre*² Исаака Бабеля: «Я должен знать все».

Совсем по-другому мыслят сегодня. Вера в себя – постоянная величина в сознании всех успешных людей, однако форма такой самоуверенности определяется культурой и существенно разнится от одного исторического периода к другому. У моей матери, мне кажется, было сознание XIX века, и самопогруженность в ее дневниках вызывает к памяти нескольких себялюбивых великанов – скажем, Томаса Карлейля. В начале XXI века регистр честолюбия совершенно иной. Читатель, ищущий в этих текстах иронию, не найдет и следа ее. Моя мать прекрасно это понимала. В эссе об Элиасе Канетти, которое, наряду с очерком о Вальтере Беньямине, следует считать ее наибольшим приближением к жанру автобиографии, она одобрительно цитирует слова Канетти: «Пытаюсь вообразить себе человека, который сказал бы Шекспиру: “Расслабься!”»

Так что повторим – *caveat lector*. Перед нами дневник, в котором искусство воспринимается как вопрос жизни и смерти, где ирония считается пороком, а не добродетелью, а серьезность – величайшим из благ. Такие воззрения выработались у моей матери рано. И в ее жизни никогда не было недостатка в людях, которые пытались уговорить ее «расслабиться». Она вспоминала, как ее доброжелательный, традиционного склада отчим – герой войны – умолял ее поменьше читать, из страха, что она не найдет себе мужа. В том же духе, хотя и более высокомерно, высказался философ Стюарт Гемпшир, ее наставник в Оксфорде, который с досадой вскричал однажды во время коллоквиума: «Ох уж эти американцы! Вы такие серьезные... точно немцы». Он вовсе не собирался делать ей комплимент, но для моей матери эта фраза была как знак почета.

Вышесказанное может натолкнуть читателя на мысль, что моя мать была «природным европейцем» – по определению Исаяи Берлина, считавшего, что есть европейцы – «природные» американцы и американцы – «природные» европейцы. Однако я не думаю, что подобное определение вполне справедливо в отношении моей матери. Правда, что в ее глазах американская литература была окраиной великой европейской – в первую очередь немецкой – литературы, и все же в глубине души она, вероятно, верила, что способна пересоздать себя, что все мы способны пересоздать себя, что каждый человек может или мог бы, обладай он необходимой волей, сбросить как балласт или выйти за пределы всех обстоятельств своего воспитания и образования. Это ли не воплощение слов Фитцджеральда, что «в жизни американцев нет вторых актов»? Как я говорил, на смертном одре, который она, в сущности, таковым не воспринимала, она планировала свой следующий первый акт и намеревалась прожить его, как только лечение добудет ей еще немного срока.

В таком отношении к жизни моя мать была замечательно последовательна. При чтении дневников меня неизменно поражает, что всю жизнь, с юности до старости, она, похоже, вела одну и ту же битву – с внешним миром и с собой. Ее художественное чутье, ее захватывающая дух уверенность в правоте собственных суждений, ее необычайная, жадная страсть к искусству – чувство, что она должна прослушать каждое музыкальное произведение, увидеть каждую

² Призыв (*фр.*).

картину или скульптуру, вчитаться в каждую великую книгу, – присутствовали в ней с самого начала, уже тогда, когда она составляла списки книг, которые хотела прочитать, и помечала галочкой прочитанные. Но столь же сильным было у нее ощущение провала, непригодности для любви и даже для эроса. Ей было так же неуютно со своим телом, как спокойно со своим разумом.

Это печалит меня больше, чем я в состоянии выразить. Еще в ранней молодости моя мать совершила поездку в Грецию. Там, в южной части Пелопоннеса, ей довелось смотреть постановку «Медеи» в древнем амфитеатре. Представление глубоко ее растрогало, так как в ту минуту, когда Медея собиралась убить своих детей, из зала стали раздаваться крики: «Нет, не делай этого, Медея!». «У этих людей не было и мысли о том, что перед ними – произведение искусства, – говорила она мне неоднократно. – Для них все было реально».

Столь же реальны ее дневники. Читая их, я с тревогой замечаю, что реагирую примерно так же, как те греческие зрители в середине пятидесятих годов прошлого века. Мне хочется крикнуть: «Не делай этого!» Или: «Не будь к себе такой немилосердной!» Или: «Не думай о себе так хорошо!» Или: «Остерегайся, она не любит тебя!» Но я, разумеется, опоздал: представление окончилось, и главная героиня ушла, как и большинство персонажей.

Остаются боль и честолюбие. Настоящие дневники колеблются между двумя этими полюсами. Хотелось бы моей матери обнаружить сокровенное? Так или иначе, здесь уже говорилось, что существовали практические причины для моего решения самому подготовить к печати и издать дневники Сьюзен Сонтаг, пусть многое в них причиняет мне боль, а многие вещи я бы предпочел не знать сам или скрыть от других.

Знаю только, что как читатель и писатель моя мать любила дневники и письма – и чем они были откровеннее, тем лучше. Возможно, Сьюзен Сонтаг-писатель одобрила бы мой поступок. По крайней мере, я на это надеюсь.

Дэвид Рифф

1947

23/11/1947

Я верю в то, что:

(а) Нет личного бога или жизни после смерти

(б) Самое желанное на свете – свобода быть верной себе, т. е. честность

(в) Единственное различие между людьми состоит в уровне интеллекта

(г) Единственный критерий поступка в том, насколько счастливее или несчастливее он, в конечном счете, сделал человека

(д) Неправедно лишать жизни любого человека. [*Пункты «е» и «ж» в списке отсутствуют*³.]

(з) Кроме того, я верю в то, что идеальное государство (за исключением «г.») должно быть сильным и централизованным, с государственным контролем над общественными службами, банками, шахтами и рудниками + с системой транспорта, субсидиями искусству, достойной минимальной заработной платой, поддержкой инвалидов и престарелых. Государственное обеспечение для всех беременных женщин, независимо от того, скажем, законнорожденный ли ребенок.

³ Следуя логике и образцу оригинального издания, здесь и далее в квадратных скобках приведены восстановленные фрагменты текста и примечания Дэвида Риффа – сына Сьюзен Сонтаг и редактора настоящего издания ее дневников.

1948

13/4/1948

Идеи нарушают плоскостность жизни

29/7/1948

...И ведь что это означает – быть юной по годам и вдруг проснуться к муке, к срочности жизни?

Это – услышать, однажды, отзвуки тех, кто не следует за нами, кто отстал, это выйти на неверных ногах из джунглей и рухнуть в пропасть:

Это – быть слепым к недостаткам мятежников, томиться мучительно, всем естественном, преодолев противоположности детства. Это стремительность, неистовый энтузиазм, немедленно потопленный в потоке самоуничужения. Это жестокое осознание собственной самонадеянности...

Это унижение с каждой обмолвкой, бессонные ночи, проведенные за подготовкой к завтрашнему разговору, и самобичевание за разговор вчерашний... склоненная голова, сжатая между ладоней... это «боже мой, боже мой»... (конечно, со строчной буквы, потому что бога нет).

Это охлаждение чувств, испытываемых к своей семье и ко всем кумирам детства... Это ложь... И возмущение, а затем ненависть...

Это рождение цинизма, испытание каждой мысли, и слова, и поступка. («Ах, быть совершенно, предельно откровенной!») Это горькое, безжалостное исследование мотивов...

Это открытие того, что катализатор... [*Запись обрывается.*]

19/8/1948

То, что некогда казалось сокрушающим грузом, внезапно поменяло положение и, благодаря удивительному тактическому маневру, метнулось мне под бегущие ноги, превратившись в засасывающую воронку, которая увлекает, истощает меня. Как бы я хотела капитулировать! Как просто было бы убедить себя в благовидности жизни моих родителей! Если бы на протяжении целого года я наблюдала только своих родителей и их друзей, сдалась ли бы я – капитулировала? Требуется ли мой «интеллект» частого омоложения у источников неудовлетворенности *другого* и чахнет ли он без этого? Смогу ли я исполнить свой обет? Ведь иногда мне кажется, что я ступаю по льду, колеблюсь – порой я даже допускаю мысль о том, что во время учебы в колледже буду жить дома.

Думать я могу только о матери, о том, как она красива, какая у нее гладкая кожа, как она меня любит. Как она сотрясалась от плача в тот день (ей не хотелось, чтобы ее услышал

папа в соседней комнате), и звук каждой придушенной волны рыданий был как огромный акт икоты – какая трусость, что люди вовлекаются, точнее, безучастно, по обычаю позволяют себя вовлечь в стерильные отношения – как убога, тосклива, несчастна их жизнь —

Как же я могу ранить ее еще больше, учитывая то, что она уже измучена, и то, что она *никогда* не сопротивляется?

Как мне помочь самой себе, ожесточить себя?

1/9/1948

Что означает фраза «в дымину»?

Гора, пущенная из пращи.

Как можно скорее прочесть «Дуинские элегии» [Рильке] в переводе [Стивена] Спендера.

Вновь погружаюсь в Жида – какая ясность и точность! Поистине, несравненна тут сама личность автора – вся его проза кажется незначительной, тогда как «Волшебная гора» [Манна] – это книга на всю жизнь.

Я знаю наверное! «Волшебная гора» – прекраснейший роман из всех, что я читала. Сладость повторного, но оттого не менее значительного знакомства с произведением, доставляемое им мирное, созерцательное наслаждение невозможно ни с чем сравнить. Однако для эмоционального воздействия как такового, для ощущения *физического* удовольствия, осознания учащенного дыхания и стремительности растрчиваемых жизней, спешки, спешки, для знания жизни – нет, не то – для знания того, как быть живым, я бы выбрала «Жана-Кристофа» [Ромена Роллана]. Но «Жана-Кристофа» можно прочитать только раз.

...Когда меня не станет, пусть воскликнут:
«Грехи его ужасны, но книги не умрут».
Хилэр Беллок

Всю вторую половину дня погружена в Жида и слушаю запись [моцартовского] «Дон Жуана» (оркестр под руководством [дирижера Фрица] Буша [Глиндобурнский фестиваль]). Некоторые арии (такая душераздирающая сладость!) я слушала снова и снова («Mi tradi quell' alma ingrata»⁴ и «Fuggi, crudele, fuggi»⁵). Какой решительной и безмятежной могла бы я быть, если бы они всегда звучали у меня в ушах!

Впустую провела вечер в компании Ната [*Натан Сонтаг, отчим СС*]. Он дал мне урок вождения и сводил в кино, где я притворилась, что мне нравится цветная мелодрама.

Перечитав последнюю фразу, я решила ее вычеркнуть. Да нет, пусть остается. Бесплезно ограничиваться положительными переживаниями. (Их и так немного!) Позвольте мне вносить сюда и тошнотворный будничныи мусор, так чтобы не быть к себе снисходительной и не компрометировать собственное завтра.

⁴ «Мне изменяешь ты, душа неблагодарная» (*ит.*).

⁵ «Беги, беги, жестокосердный» (*ит.*).

2/9/1948

Спор с Милдред закончился слезами [*Милдред Сонтаг, урожденная Якобсон, мать СС*] (черт побери!). Она сказала: «Ты должна быть очень довольна тем, что я вышла за Ната. Ты бы никогда не поехала в Чикаго, уверяю тебя! Ты представить себе не можешь, насколько мне не нравится ситуация, но я чувствую, что обязана тебе потакать».

Может быть, мне следует радоваться!!!

10/9/1948

[*Написано, с указанием даты, на внутренней обложке принадлежавшего СС второго тома «Дневников» Андре Жида*]

Дочитала в 2:30 утра того же дня, как купила книгу.

Мне следовало читать эту вещь гораздо медленнее; следует по многу раз перечитывать его «Дневники» – Жид и я достигли такого полного интеллектуального единения, что я испытываю родовые схватки при каждой мысли, которую он порождает! Поэтому не следует говорить: «Ах, как восхитительно и прозрачно!» Но: «Стоп! Я не могу думать так быстро! Или, вернее, я не могу взрослеть с такой скоростью!»

Ведь я не только читаю эту книгу, но и создаю ее сама, и этот неповторимый, великий опыт очищает голову от бесплодной сумятицы, забивавшей ее все последние, ужасные месяцы

—

19/12/1948

Сколько же предстоит прочесть книг, пьес и рассказов – вот далеко неполный список:

«Фальшивомонетки» – Жид

«Имморалист»

«Приключения Лафкадио»

«Коридон» – Жид

«Деготь» – Шервуд Андерсон

«Остров внутри» – Людвиг Левинсон

«Святылище» – Уильям Фолкнер

«Эстер Уотерс» – Джордж Мур

«Дневник писателя» – Достоевский

«Наоборот» – Гюисманс

«Ученик» – Поль Бурже

«Санин» – Михаил Арцыбашев

«Джонни взял винтовку» – Далтон Трамбо

«Сага о Форсайтах» – Голсуорси

«Эгоист» – Джордж Мередит

«Диана Кроссвей»

«Испытание Джорджа Феверела»

стихотворения Данте, Ариосто, Тассо, Тибулла, Гейне, Пушкина, Рембо, Верлена, Аполлинера

пьесы Синга, О’Нила, Кальдерона, Шоу, Хеллман...

[Список занимает еще пять страниц и включает более ста наименований.]

...Поэзия должна быть: точной, насыщенной, конкретной, значимой, ритмической, формальной, сложной

...Искусство, таким образом, всегда стремится к независимости собственно от разума...

...Язык – не только инструмент, но и цель сам по себе...

...Благодаря огромной и узконаправленной ясности сознания Джерард Хопкинс выковал мир руиноподобной и торжествующей образности.

Подлинный властелин этой безжалостной прозрачности, он защищал себя от телесности посредством жестких духовных ребер и, однако, создал творения непревзойденной, в тесных границах своего мира, свежести. Мучительные плоды его духа...

25/12/1948

В настоящее время я всецело захвачена музыкальным произведением, одним из прекраснейших, что я когда-либо слышала, – концертом Вивальди си минор, запись «Четра-Сория», исполнение Марио Салерно —

Музыка – одновременно самое чудесное и самое живое из всех искусств, она есть искусство самое абстрактное, самое совершенное, самое чистое – и самое чувственное. Я слушаю своим телом, и мне ломит тело в ответ на заключенную в музыке страсть и пафос. Мое физическое «я» ощущает невыносимую боль – а затем притупленную досаду, – когда целый мир мелодии внезапно вспыхивает и низвергается в конце первой части, так же как плоть моя словно умирает понемногу каждый раз, как меня охватывает острая тоска второй части —

Я почти на грани безумия. Порой, так мне кажется (насколько же умышленно я вывожу эти слова), в иные летящие мгновения (до чего же быстро они летят) я знаю так же достоверно, как то, что сегодня Рождество, что неверными шагами я иду по самому краю бездонной пропасти —

Что, спрашивается, влечет меня к умственному расстройству? Как мне диагностировать саму себя? Мои самые непосредственные чувства сосредоточены вокруг мучительной потребности в *физической любви* и интеллектуальном спутничестве – я очень молода, и, пожалуй, мне суждено перерасти наиболее тревожные особенности моих сексуальных устремлений – *откровенно говоря, мне наплевать. [На полях приписка рукой СС от 31 мая 1949 г.: «А не должно бы».]* Моя потребность столь велика, а времени, в моем наваждении, отпущено так мало.

Вероятнее всего, мне будет презабавно это перечитывать. Так же как некогда я была до ужаса, до иступления религиозной и подумывала о переходе в католичество, так теперь я обнаруживаю в себе лесбийские наклонности (с какой же неохотой я пишу об этом) —

Мне не следует думать о Солнечной системе, о бесчисленных галактиках, разделенных миллионами световых лет, о беспредельности пространства, мне не стоит глядеть на небо дольше минуты, думать о смерти, о вечности – мне не стоит всего этого делать, чтобы не оказываться наедине с ужасными мгновениями, когда мой разум представляется мне осязаемой вещью, и не только разум, а весь мой дух, все, что одушевляет меня, оригинальные, отзывчивые желания, составляющие мою личность, все это принимает некую форму и размер, существенно большие, чем способно вместить мое тело. Тяни-толкай, годы и потуги (я ощущаю их теперь), пока не придется сжать кулаки, я поднимаюсь, кто сумеет выстоять, каждая мышца на дыбе, силясь вытянуться в бесконечность, мне хочется кричать, желудок сжат, ноги до самых щиколоток, до пальцев вытягиваются до боли.

Все ближе минута, когда лопнет бедная оболочка, теперь я знаю... созерцание бесконечности – натяжение разума поможет мне растворить ужас через нечто противоположное простой чувственности абстракций. *И пусть он знает, что мне неизвестно решение, некий демон терзает меня всему вопреки – наполняя меня до краев болью и яростью, страхом и дрожью (я перекошена, вздернута на дыбу, несчастна), и разум мой находится во власти судорог неукротимого желания* —

31/12/1948

Я перечитываю свои записи. Какие же они нудные и монотонные! Неужели мне не избежать бесконечного оплакивания самой себя? Все мое естество кажется мне сжатой пружиной, оно исполнено ожидания.

1949

25/1/1949

На этот семестр я еду в Кал [подразумевается Университет Калифорнии в Беркли], если мне удастся получить комнату в общежитии.

11/2/1949

[Прежде чем покинуть свой дом в Лос-Анджелесе, СС пишет о решении учиться в Беркли.]

...Эмоционально – я хотела остаться. Интеллектуально – я хотела уехать. Как всегда, мне нравилось наказывать себя.

19/2/1949

[СС прибыла в «Кал» – Университет Калифорнии в Беркли. Ей едва исполнилось шестнадцать.]

Что ж, я здесь.

Никакой разницы; пожалуй, речь никогда и не шла о поиске более приятного окружения – но лишь об обретении себя, о стремлении к самоуважению и личной целостности.

Теперь я не более счастлива, чем дома —...

...Я хочу писать – *я хочу жить в интеллектуальной атмосфере* — я хочу жить в культурном центре, где у меня будет возможность часто слушать музыку, – все это и еще много больше, но... самое важное в том, что, похоже, ни одна профессия не соответствует в большей степени моим потребностям, чем преподавание в университете... *[Поверх слов о преподавании СС позже написала неровным почерком – «Господи!»]*

1/3/1949

Вчера купила «Контрапункт» и читала шесть часов подряд, пока не закончила книгу. Проза [Олдоса] Хаксли обладает качеством изысканной самоуверенности – его наблюдения великолепно отточены, если только читатель склонен наслаждаться пустотой нашей цивилизации. Я сочла книгу чрезвычайно волнительной, хотя и тревожащей мои зачаточные способности критика. Но даже и чувство подавленности, неизбежно возникающее вслед за прочтением книги, доставило мне радость оттого, что меня столь искусным образом ввели в состояние бесплодной ажитации!

В эту пору моей жизни меня больше всего впечатляет виртуозность – техника, организация материала, словесная роскошь оказывают на меня большое влияние. Жестокая реалистичность комментариев (Хаксли, Ларошфуко), насмешка и карикатура – или же пространная,

чувственная философская экспозиция Томаса Манна в «Волшебной горе» и «Смерти в Венеции»... Довольно узколобо —

«Проблема состоит в том, чтобы преобразовать отчужденность интеллектуального скепсиса в полноту гармоничной жизни».

«Контрапункт»

2/4/1949

Я влюблена в состояние влюбленности! Что бы я ни думала об Ирэн [*Лион, любовница Г., позже – любовница СС, занимает большое место в дневниках с 1957 по 1963 г.*], когда я ее не вижу, каковы бы ни были стоящие на моем пути препоны умозрительного порядка, – все растворяется в боли + разочаровании в ее присутствии. Непросто, когда тебя отвергают так абсолютно —

6/4/1949

Я не могла заставить себя писать об этом, пока не отошла на некую временную + физическую дистанцию —

То, что я знаю, отвратительно – и невыносимо, потому что я не могу этого выразить – я пыталась! Я хотела отреагировать! Мне так хотелось испытать к нему физическое влечение и доказать себе, что я, по меньшей мере, бисексуальна. [*На полях приписка от 31 мая рукой СС: «Какая глупость – “по меньшей мере, бисексуальна ”».*]

...Ничего кроме унижения и распада при мысли о физических отношениях с мужчиной. При первом поцелуе – очень долгим поцелуе – я подумала со всей отчетливостью: «Неужто это все? Так глупо». – Я пыталась! Я пыталась – но теперь я знаю, что этого не может случиться. Никогда. Мне хочется спрятаться. Ох, и еще я испортила жизнь Питеру, так что —

Его звать Джеймс Роланд Лукас – Джим – вечером в пятницу, 11 марта, я собиралась в тот вечер на моцартовский концерт в Сан-Франциско.

Что мне делать? [*Более поздний комментарий рукой СС без указания даты: «Наслаждайся, конечно».*]

[*Написано в апреле 1949 г., но без указания даты в дневнике.*]

Поездка домой на выходные обернулась интереснейшим опытом. Эмоционально я стала свободнее от зависимости, которую, в интеллектуальном плане, считаю ущербной – я думаю, что наконец свободна от зависимости / нежности по отношению к матери. В этот раз она не вызвала во мне даже жалости, только скуку. Дом никогда не казался мне таким маленьким, домашние – столь естественно скучными и банальными, а моя искрометная витальность – столь угнетающей. По меньшей мере здесь [*т. е. в Беркли*] в незамаскированном одиночестве, я нахожу какие-то удовольствия и компенсацию – в музыке, книгах и чтении поэзии вслух. Мне не нужно притворяться; я распоряжаюсь своим временем, как хочу. Дома царят притворство

и ритуалы дружелюбия – ужасающая трата времени – мне следует бережно относиться ко времени этим летом, нужно многое успеть —

Если меня не примут в Чикаго [*после одного семестра в Беркли СС подала документы на перевод в Университетский колледж Чикаго*] и, соответственно, мне предстоит вернуться в Беркли зимой, я пробуду здесь до первых летних курсов. В противном случае я прослушаю эти курсы во время 8-недельного триместра в Лос-Анджелесе [*в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса*].

Время с двух до пяти пополудни я собираюсь отдать сочинительству и занятиям на улице, на солнце, и еще заниматься вечером, сколько получится – я буду спокойной, учтивой и безучастной!

8/4/1949

Сегодня днем прослушала лекцию о «Предназначении искусства и художника» Анаис Нин: она удивительная – похожа на русалку, существо другого мира – маленькая, изящная, темноволосая, избыточный грим придает коже бледность, большие, вопрошающие глаза, выраженный акцент, происхождение которого я не смогла установить (у нее чересчур правильная речь, она обкатывает и полирует каждый слог кончиком языка и губами), кажется, стоит только до нее дотронуться, как она рассыплется в серебристую пыль. [*На полях более поздняя приписка рукой СС: «Г. была там».*]

Ее художественная теория изысканно неуловима (раскрытие бессознательного, автоматическое письмо, восстание против механистической цивилизации). Ее анализировал Отто Ранк.

14/4/1949

Вчера прочитала «Ночной лес» [Джуны Барнс]. Какую замечательную прозу она пишет. Так хочу писать и я – богатая и ритмичная, тяжелая, звучная проза, как нельзя лучше соответствующая мифической двусмысленности, что одновременно есть источник и структура эстетического опыта, олицетворяемого языком —

16/4/1949

Я прочитала большую часть «Братьев Карамазовых» и внезапно ощутила себя нечистой. Написала три письма Питеру и Одри, в которых полностью порывала с ними, и одно – матери, полупризнаваясь в своем отвращении к прошлому —

Ох, да, и еще Ирэн —

Она права и она восхитительна, правда —

Подумать только – я убедилась, будто питаю нежные чувства к Питеру, потому что была так одинока и не могла себе вообразить, что найду кого-то лучше! А вся эта каша с Одри! Дьявол, если бы только Ирэн могла честно отвергнуть меня, я (впервые) сама была бы искренней —

[На внутренней странице обложки тетради, датированной «7 мая 1949 – 31 мая 1949», СС пишет прописными буквами: «Я РОЖДЕНА ЗАНОВО ВОВРЕМЯ, КОТОРОЕ ПЕРЕСКАЗАНО В ЭТОМ ДНЕВНИКЕ».]

17/5/1949

Сегодня дочитала «Демиана» [Германа Гессе] и в целом была очень разочарована. В книге несколько удачных пассажей, и первые несколько глав, живописующих юность Синклера, очень хороши... Однако прямолинейный гипернатурализм последней части книги изумляет в сравнении с реалистическими принципами, присущими ее первой части. Дело не в том, что я возражаю против романтической интонации (так, например, мне нравились «[Страдания молодого] Вертера»), однако инфантильность миропонимания Гессе (не могу назвать иначе)...

Начинаю читать «Теорию познания, подразумеваемую в мировоззрении Гёте» Рудольфа Штейнера. Кажется, я слежу за ходом его мыслей без труда, поэтому вдвойне подозрительна к себе, и читаю очень медленно...

Также за последние несколько недель (упоминала ли я это?) я прочитала первую часть «Фауста» Гёте [в переводе] Баярда Тейлора, «Доктора Фауста» [Кристофера] Марло и роман Манна —

Меня очень тронул Гёте, хотя, наверное, я далека от понимания его «Фауста», — а вот Марло действительно *мой* поэт, ибо я вложила в него частицу себя, перечитывая его по нескольку раз, декламируя разные отрывки снова и снова. Финальный монолог Фауста я прочитала вслух не менее дюжины раз. Он несравненный...

Где-то в дневниках я писала, что испытала разочарование после прочтения [«Доктора Фауста»] Манна... Какое ничтожество моих критических способностей! Это замечательное, великое творение, которое мне придется перечитать много раз, прежде чем я смогу им овладеть...

Я перечитываю фрагменты вещей, которые всегда были мне дороги, и удивляюсь собственным оценкам. Вчера долго читала [Джерарда Мэнли] Хопкинса и не испытала привычного энтузиазма — в частности, меня подвело «Свинцовое эхо и золотое» —

Так хорошо читать *вслух* — перечитываю (с неослабевающим удовольствием) Данте и [Томаса] Элиота (конечно)...

Этим летом я хочу сосредоточить внимание на Аристотеле, Йейтсе, Харди и Генри Джеймсе...

18/5/1949

Неужто меня ничему не научит собственная глупость! Сегодня прослушала лекцию-декламацию о драматических монологах Браунинга... Каким невежественным, замешанным на снобизме было до сих пор мое отношение к Браунингу! Вот еще один автор на лето...

23/5/1949

[*Нижеследующая запись, которая занимает почти тридцать страниц, содержит описание целого периода жизни СС в Беркли, завершающегося ее встречей с Г. и, посредством Г., ее знакомством с гомосексуальной жизнью Сан-Франциско.*]

В прошедшие выходные имела место великолепно узорчатая кульминация, частичная развязка моего величайшего несчастья – мучительной дихотомии между телом и разумом, из-за которой я провисела на дыбе два последних года. Это, возможно, самый значимый отрезок времени в моей жизни (с точки зрения того, кем я стану как личность).

Вечером в пятницу я и Ал [*рукой СС: «Алан Кокс»*] ходили слушать «Значение в искусстве» – лекцию Джорджа Боаса, приглашенного профессора философии из Университета Джона Гопкинса. Доклад был приятно гладкий: профессор стремился раскрыть недостатки крупнейших критических школ со времен аристотелевской включительно, но сам не предлагал ничего существенного – лишь остроумное и вполне бесплодное осмысление часто повторяемой ошибки. Несколько интересных вещей: он говорил об эволюции в искусстве в терминах колебаний между *ритуалом* и *импровизацией* – симпатичное переложение набившей оскомину анти-тезы между классическим и романтическим... Одна из его стрел была адресована критикам Аристотеля, отказывающимся принимать то обстоятельство, что Аристотель ничего не знал о Шекспире, и, следовательно, не способным понять, почему «Гамлет» – трагедия (подлинная трагедия = границы Аристотеля), но знающим, эмоционально, что это так, или же притворяющимся, что, мистическим образом, «Гамлет» – это трагедия в аристотелевском смысле...

Ал и мои отношения с ним олицетворяют мое томительное желание найти убежище в интеллекте, все мои страхи и запреты. Ему двадцать два, бывший моряк торгового флота, не служил в армии по причине дальтонизма; он удивительно красив, в классическом понимании – высокий, вьющиеся каштановые волосы, правильные черты лица, за исключением несколько расширяющихся ноздрей, что весьма привлекательно, прекрасные руки... Происходит из небольшого городка (Санта-Ана), где прожил всю жизнь, прежде чем в 18 лет приехать в Беркли для поступления в университет; обучение в колледже было прервано тремя годами во флоте. В академическом плане он младше меня – магистр по химии, хотя его основные интересы лежат в области математики и литературы. Он хочет писать, но не осмеливается, потому что опасается, будто выйдет плохо – что весьма вероятно. Он силен в математике и если соберется с духом, то попытается проникнуть на философский факультет. У него немецко-лютеранская основа и вполне средневековый ум: всепоглощающее смирение и чувство греха, тяга к знаниям и *абстракции*, полное подчинение тела тому, что он считает важным, – разуму. Недавно он признался мне, что не ел целый день, исключительно в целях самодисциплины. Мне кажется, он очень *способный* – один из самых умных людей, с кем мне доводилось встречаться. Хотя абсурдно предполагать, что он девственник, я уверена, что обычно он очень воздержан и жутко переживает свои редкие падения во грех...

Я познакомилась с ним в начале семестра – заметила его на студийном концерте (полная запись «Дон Жуана») – и поняла, что он живет здесь же, в общежитии, и что он – местный халдей [так!]. Мы мило побеседовали, потом случайно встретились еще несколько раз, на концертах, пока через несколько недель томных взглядов исподлобья он не набрался смелости и не пригласил меня на концерт («Магнификат» [Баха] в местной конгрегатской церкви). Он сопровождал меня на все немногочисленные «культурные вечера», которые я с тех пор

посетила, и сам факт пребывания в обществе другого человека, насколько бы травоядными ни были наши отношения, отвлекает меня от мыслей об унижительной развязке моих отношений с Ирэн. Ал никогда не привлекал меня как мужчина, и мне было уютно с ним по двум причинам: я по-настоящему уважала его за ум, хотела учиться у него и беседовать с ним о музыке, литературе и философии; кроме того, я знала, что ему потребуется много недель, прежде чем осмелиться на попытки физического ухаживания, а в то время мне будет относительно просто с ним расстаться. На сегодняшний день мы даже не держались за руки! Мне *правда*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.